

Игн. Нивинский.

Из цикла офортов «Кавказ».

ОФОРТЫ И. И. НИВИНСКОГО.

В Музее Изящных Искусств — небольшая выставка, и мы получаем право говорить об искусстве, которое, может быть, больше всего ускользает от общественного внимания. Офортная гравюра была доселе очень изысканным, но и очень далеким от масс занятием. Ею мало кто интересовался и из художников. Нашему времени по вкусу больше смелые живописные искания — или уже тогда четкие контрасты рисунка «черным по белому», которому оказывает широкое гостеприимство печать, книга, журнал, нуждающиеся в украшении и иллюстрации. Из техник гравюры на эти последние запросы отвечает одна только деревянная, и мы видели как раз за эти годы ее замечательный расцвет; неоднократно приходилось отмечать, как связано чисто художественное искание новых форм, созвучных нашей современности, с производственными запросами ее. Русская гравюра на дереве откликнулась на потребность в широком распространении, выработала себе совсем особый язык, оказавшийся новым и ценным даже для Запада: успех советских гравюров на международной декоративной выставке в Париже дает тому очень яркое доказательство. Но совсем иное — гравюра на металле, а в частности гравюра травленая, офорт. Выставка Музея Изящных Искусств показывает лучшее, что у нас в этой области есть: работы Игн. Игн. Нивинского. Для специалиста эта выставка — праздник; надо было бы, чтобы она стала интересной и понятной широким массам.

Офорт — гравюра, травленая крепкой водкой по металлу (рисунок процарапывается на металлической доске, покрытой воском или особым составом, затем обливается травящей жидкостью, и после удаления воска оказывается углубленным в доску; натирается краской и потом печатается под особым валом), отличается от гравюры на дереве прежде всего тем, что гравюра деревянная — ручная, кустарная, если угодно, работа, тогда как гравюра офортная — химическая, строю-

щаяся на открытиях науки. Офорт сложнее и труднее иных гравюр; чисто же художественно он отличен от других техник тем, что не позволяет добиваться таких резких контрастов черного и белого, как дерево, строит свои впечатления на общих расплывающихся пятнах, на «тоне», не на линии, как процветавшая некогда гравюра по металлу же резцом. Офорт не позволяет таких больших тиражей, как гравюра на дереве и не входит, подобно ей, в печать, как клише; печатается он иными красками и иными машинами. При всем том, на выставке Нивинского ощущается очень, что он незаменим, что в нем есть свои средства, неизвестные иным техникам. Что офорт — прекрасное искусство, заслуживающее внимания и развития.

Художник соединил на выставке несколько десятков листов разного времени, разного содержания и, конечно, разного достоинства. Стоит внимательно приглядеться к каждому листу. Травленая линия то соединяется в легкие узоры, в свою очередь становящиеся живописными пятнами; то офорт линейный уступает место другим разновидностям травленой гравюры: а к в а т и н т е, где рисунок травится сквозь асфальтовый порошок, дающий нежные сплошные тона, мягкому лаку, особой технике, допускающей эффекты карандашного рисунка. В черной полосе офортов Нивинского художник предстает нам, как мастер совершенно европейского уровня, очень умелый рисовальщик, прекрасно справляющийся со всеми своими заданиями. Он дает в своих листах пейзажи, в частности городские, в которых доказывает себя умелым декоратором (И. И. Нивинский, как художник театра, давно себе стяжал очень почетную известность); может быть, наиболее интересны на его выставке гравюры тела, в которых лишней раз понятно, почему его изучение так важно для художников: именно эти листы доказывают больше всего, как упорно и успешно работает Нивинский над исканием форм, над достижениями мастерства. Листы его работы выявляют

как нельзя лучше основные особенности офорта. Рисунк, как его выполняет художник от руки, редко бывает закончен, действует на нас, как вполне готовая вещь, офорты Нивинского — конечно, вполне и всецело «готовы». К ним нельзя ничего прибавить или убавить. Офорт Нивинского всегда, с этой точки зрения, «картинен». Впечатление же законченности дается такими простыми средствами: оттенками одной краски, комбинациями очертаний. Художник достигает великодушных достижений декоративного порядка. Его листы — украшение стены, на которой их можно повесить, не хуже живописных.

Наиболее же интересны, конечно, новейшие работы И. И. Нивинского. Они свидетельствуют о том, что мастер — живой и современный художник. Его недаром влекут к себе окраины СССР; он выявляет себя, как неожиданный знаток Крыма и Кавказа; и если его крымские офорты — лучшее, что он сделал в условиях своей старой манеры чистого травления, то его кавказские офорты последних лет — явление небывалое. Технически в них художник применяет новые комбинации, которых раньше никто не пробовал; если у него были и раньше цветные офорты, он теперь прибегает к условной их расцветке, печатая отдельные части листов своих так, что яркий фон выделяет ту или иную важную для него фигуру независимо от окружения ее. Кавказские листы И. И. Нивинского — попытки дать общий синтез всего края. Художник сочетает

пейзаж и фигуры, последние — нарисованные со всею тщательностью этнографа, при чем сочетание это только на первый взгляд кажется необычайным, по существу оказываясь очень закономерным и строгим — хотя, конечно, условным. Фигура человека, введенная в картину природы, всегда в последней исчезнет или ее затмит. Странные для непривычного взгляда приемы помещения на одном листе независимых как бы друг от друга человеческой фигуры и пейзажа оказываются понятными, если мы учтем, что, благодаря такому расположению, мы воспринимаем природу Кавказа и его жителей, как две равноправные величины одного и того же, строгого, прекрасного и нам ныне особо важного и близкого края.

Искусство Нивинского, трудное и красивое, заставляет еще раз напомнить, что, в противоположность живописи, его офорты могут быть размноженными, посланными в разные места СССР, могут быть предметом внимания и изучения многих. На выставке очень хочется, чтобы его языку научилось побольше народу. Будет жаль, когда его листы будут вновь спрятаны в укромные папки Музея.

Игн. Игн. Нивинский доказал своею выставкой, что он сейчас находится не только на высоте своего дарования (он родился в 1881 г., занимался живописью архитектурой, декорацией), но и что вообще ему принадлежит одно из первых мест в современном русском искусстве.

Проф. А. А. Сидоров.

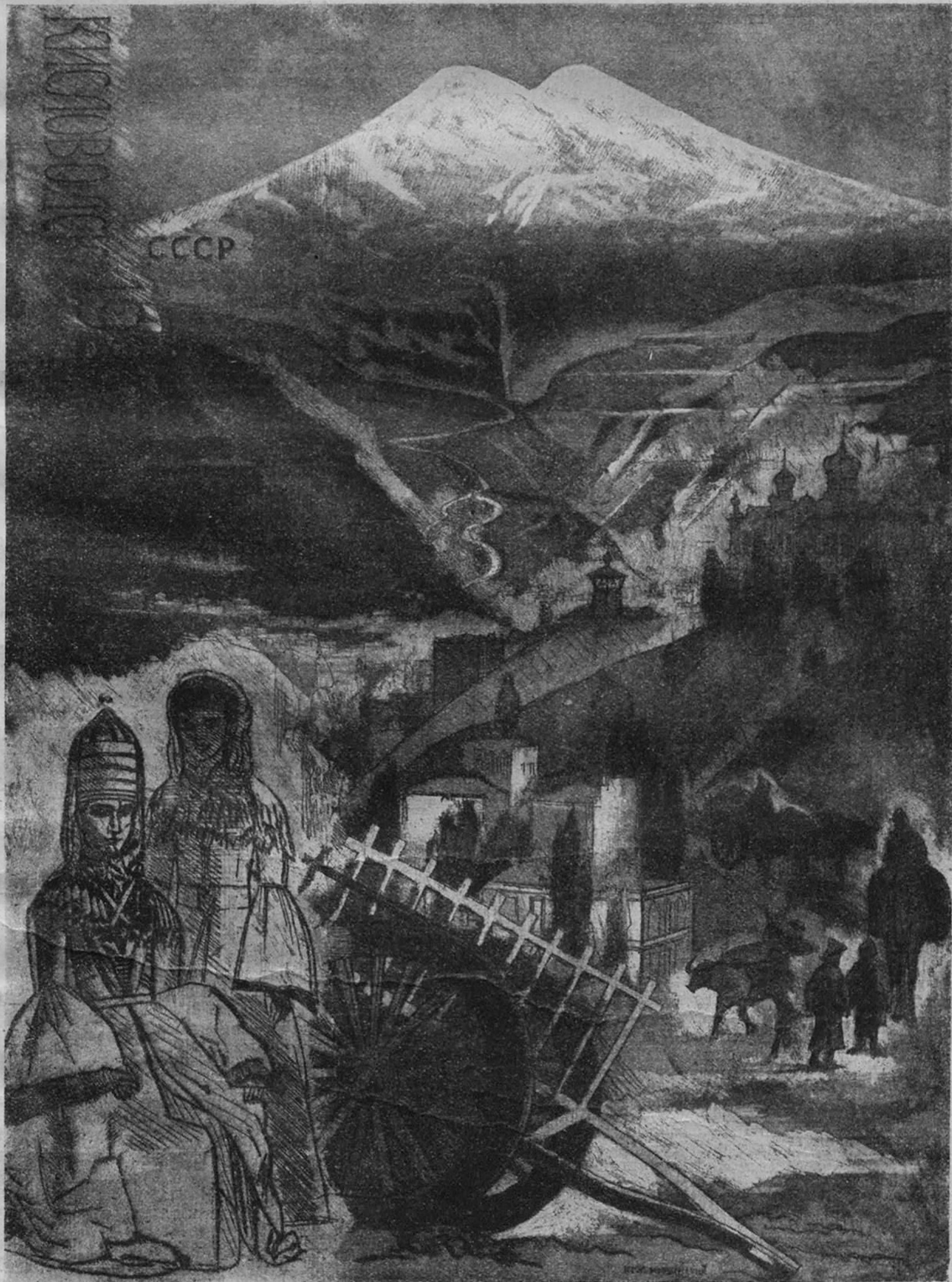
Игн. Нивинский.

Кремль (офорт).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ НИВА

№ 47 — 15-го ноября 1925 г.

Игн. Нивинский.

Кисловодск (офорт).

ЦЕНА в Москве, провинции и на станциях жел. дор.—25 копеек.

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

№ 47. Третий год издания. 15 ноября 1925 г. Москва. Третий год издания. № 47.

Фот. Н. Петрова.

Похороны тов. М. ФРУНЗЕ 3-го ноября 1925 г.